

А.В. Сарабьев*

**БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ «ШИИТСКАЯ ДУГА»:
РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА
ИЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ХИМЕРА?***

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 12*

Термин «шиитский полумесяц», или «шиитская дуга», все чаще встречается в политическом дискурсе, аналитических работах и СМИ. Им обозначают угрозу, которая якобы исходит от альянса стран и сил, зависимых от Ирана. При этом четкого определения состава альянса не дается: по принципу лояльности Ирану и общности религиозного исповедания к нему относят, помимо Ирана, Ирак, Сирию, ливанскую «Хизбаллу», а иногда шиитские силы Бахрейна и даже Йемена. Актуальность эта проблематика получает в моменты обострения антииранской риторики, как это было, например, в конце весны — начале лета 2019 г. Однако, по мнению автора, идея «шиитской дуги» содержит ряд фундаментальных аналитических ошибок — на уровне допущений (теоретических посылок) и собственно логики умозаключений. В статье показано, что диалектический метод, который просматривается за стратегическими обобщениями и сценариями, заложенными в данной концепции, не может быть корректно приложен к ближневосточным процессам. С одной стороны, он чреват искусственным и потому опасным перенесением на региональные реалии чуждой политической культуры и основанной на ней оценочной системы координат. В частности, автор отмечает, что ближневосточные цивилизационные антиномии с трудом поддаются оценкам в категориях, разработанных в рамках западной политической мысли, поскольку носят контрарный, а не контрдикторный характер. Игнорирование этого обстоятельства ведет к искусственной эскалации региональных противоречий, про-

* *Сарабьев Алексей Викторович* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (e-mail: alsaraby@ivran.ru).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 17-18-01614 «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз».

воцированию конфликтов. С другой стороны, этому способствует и заложенная в данном подходе тенденция к проведению новых, совершенно умозрительных по своей природе разделительных линий в регионе. В итоге автор заключает, что концепция «шиитской дуги» изначально строится на ошибочных теоретических основаниях и потому как научный термин является совершенно несостоятельной. В то же время автор отмечает, что в современных международных реалиях она оказалась очень востребованным пропагандистским конструктом, парадоксальным образом удобным как для Ирана, так и для его оппонентов. Как таковая концепция «шиитской дуги» выступает идеологическим обоснованием нового витка военно-политической конфронтации в регионе, которая грозит принести народам Ближнего Востока новые страдания.

Ключевые слова: Ближний Восток, «шиитский полумесяц», «шиитская дуга», суннито-шиитские противоречия, региональные конфликты, внешнее вмешательство, пропаганда, диалектический метод, Иран, Ирак, Сирия, Ливан, «Хизбалла».

В настоящее время ведущие векторы мировой политики по-прежнему сходятся на Ближнем и Среднем Востоке. Сосредоточенность политиков и политологов на выходе США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по Ирану, продолжающиеся боестолкновения на территории Сирии, обусловленные конфликтом интересов многих сторон, возобновление активности «Братьев-мусульман» в Северной Африке и на Ближнем Востоке — всё это выводит на широкие обобщения о характере нынешних суннито-шиитских отношений. Актуальность более детального рассмотрения подходов к данной проблеме повышается в соответствии с градусом напряженности в районе Персидского и Оманского заливов, где после майских провокаций очередная атака на танкеры 14 июня 2019 г. вызывает ощущение готовящейся войны с Ираном (как реакции на его провокацию¹). Сбитый иранцами над Ормузским проливом спустя всего неделю дорогой американский беспилотник-разведчик всерьез грозил ответным ударом по объектам в Иране. Однако президент Д. Трамп решил растянуть взрывоопасную

¹ Азизи Х. От провокации к конфронтации: почему США обвиняют Иран в танкерных атаках? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 21.06.2019. Доступ: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ot-provokatsii-k-konfrontatsii-ssha-iran> (дата обращения: 21.06.2019).

ситуацию во времени, видимо, чтобы эффект от военно-политического шантажа был максимально ощутимым².

В этой связи имеет смысл вернуться к идее пестуемого Ираном альянса своих сторонников, проект которого еще в 2004 г. был назван иорданским королем Абдаллой II «шиитским полу-месяцем», или «шиитской дугой»³, и который стал синонимом однозначно враждебной проиранской коалиции.

Эта идеологическая конструкция стала очень популярной при обсуждении опасности, исходящей от шиитского Ирана, который издавна ставил своей задачей «экспорт исламской революции» (очевидно, шиитской) по всему макрорегиону. Опорой режима провозглашалась специальная силовая структура — Корпус стражей исламской революции (КСИР), а ее особый отдел Кудс (перс. — Сепак-е Кодс) действует за пределами ИРИ. Верховный аятолла, рахбар Ирана Рухолла Хомейни (1979—1989) в свое время признавал: «Святой Корпус стражей исламской революции поистине является и будет являться величайшим оплотом божественных ценностей нашего режима»⁴.

Для смещения суннито-шитского баланса в регионе переломным моментом стала интервенция в Ирак, фактически открывшая иранцам долгожданный канал для экспорта политического шиизма в арабские страны. После американского вторжения и отстранения от власти Саддама Хусейна в 2003 г. политический расклад сил в Ираке сильно сдвинулся в сторону шиитов, и закономерно, что «в соседних странах Персидского залива резко возросли опасения по поводу расширения иранских конфессиональных и региональных амбиций» [Ostovar, 2016: 7; Мелкумян, 2018: 93].

Невероятная скорость усиления арабов-шиитов — фактически экспансии шиитского доминирования — привела, в частности,

² Сразу вспоминается известная работа 1991 г. Жана Бодрийяра, первая глава которой называлась «Войны в Заливе не будет», где он писал: «Эта невозможность перехода к действию, это отсутствие стратегии ведут к триумфу шантажа как стратегии (со стороны Ирана еще определенный вызов, Саддам применяет уже только шантаж). <...> Бунт наемника — единственная ироничная и забавная черта всей этой истории» [Бодрийяр, 2016: 16–17].

³ Шиитский полумесяц // Военное обозрение. 06.01.2014. Доступ: <https://topwar.ru/38063-shiitskiy-polumesyac.html> (дата обращения: 21.06.2019).

⁴ Изречения великого вождя исламской революции, его светлости имама Хомейни. Тегеран: Изд-во произведений имама Хомейни, международный отдел, 1995. С. 161.

к маргинализации суннитов, находившихся у власти в Ираке, и опасениям суннитского населения в Сирии и Ливане перед лицом «шиитизации». Как пишет востоковед Константин Труевцев, «шиитская “реконкиста”, затронувшая не только районы южнее Багдада, но и саму столицу, несла потенциальную угрозу суннитской общине Ирака как таковой. Об этом свидетельствовали не только действия Н. аль-Малики, ограничивавшие роль суннитов в политическом пространстве, но и удары, наносившиеся по суннитским племенам в провинции Аль-Анбар» [Труевцев, 2015: 108–109]. Многие считают, что экстремистские и террористические суннитские структуры умело воспользовались недовольством иракских и других суннитов для рекрутирования их в свои ряды. Эти организации предстали в глазах суннитских групп, резко оттесненных от первостепенного политического участия и от властных структур в Ираке, тактически выгодным вариантом противостояния набиравшей силу «шиитской дуге» [Kardaş, 2018: 37].

В Сирии критика в адрес властей со стороны собственного населения сосредоточена на сходном моменте — излишнем покровительстве пришлым шиитам и допуске коррупционных схем, когда шииты-иностранцы скупают земли вблизи значимых для себя мест в стране⁵. В то же время непосредственно иранцы продолжают оказывать неприемлемое для многих в Сирии влияние на военную повестку и провоцируют израильские удары по сирийским объектам⁶. Сирийские сунниты обеспокоены попытками, на их взгляд, сдвига конфессионального баланса в стране при помощи Ирана, особенно на фоне того, что суннитское население более всего уменьшилось в результате оттока беженцев и эмиграции. Они осознают, что в пострадавшей от конфликтов Сирии еще не скоро будут созданы нормальные условия для возврата беженцев, чем теоретически могут воспользоваться переселенцы-шииты, опираясь на иранский идеологический экспансионизм. Так, К.М. Труевцев находит вполне закономерным,

⁵ Очевидцы сообщают о целых улицах в центре Дамаска, которые заселяют пришлые шииты, однако публичное обсуждение этого явления, мягко говоря, не поощряется властями. Известно также о постепенном заселении шиитами-двунадесятниками района, примыкающего к священному для них месту Сеййидат Зейнаб близ Дамаска.

⁶ Интересная справка о шиитских вооруженных группах, воевавших в Сирии: Шиитский интернационал Асада. Кто воюет в Сирии? // Военное обозрение. 11.09.2018. Доступ: <https://topwar.ru/146804-shiitskij-internacional-asada-kto-vojuet-v-sirii-krome-irancev.html> (дата обращения: 21.06.2019).

что подобные опасения сирийцев-суннитов трансформировались и подогревали их конфессиональную внутрисирийскую повестку: «Лозунг “власть суннитскому большинству” логически привел к тому, что с самого начала 2012 г. вооруженная оппозиция стала принимать исламистскую окраску» [Труевцев, 2018b: 244].

Описанные элементы общей региональной картины несколько не оправдывают ни попыток Ирана в сложнейший для региона период распространить свое влияние на районы Шама, обеспечив себе надежный оплот в Восточном Средиземноморье, ни усилий сторонников безусловной суннитской власти на Ближнем Востоке по закреплению за собой первенства любыми средствами, ни привлечения мощных лоббистских структур за пределами региона для усиления санкционного давления и военных угроз со стороны союзников Израиля, окружение которого неизменно характеризуется внутри страны как враждебное. В борьбе за региональное лидерство с использованием религиозного аргумента на кону стоит безопасность Ближнего Востока — людей, его населяющих, и сложившихся общественных отношений. Казалось бы, местные противоборствующие силы должны понимать это в гораздо большей степени, нежели внешние акторы, подогревающие конфликт в своих интересах. Однако, как будет показано далее, в погоне за конъюнктурными целями и региональные, и внерегиональные игроки продолжают весьма безответственно использовать для решения своих внешнеполитических задач концепции типа «шиитской дуги», которые несут в себе потенциал дальнейшей неконтролируемой хаотизации региона. Фундаментальная проблема, заложенная в подобных теоретических конструктах и не до конца отрефлексированная до настоящего времени, заключается в том, что они изначально строятся на ошибочных допущениях и неверных логических предпосылках.

Логические ошибки, ложные допущения, стратегические просчеты (постановка проблемы)

Может сложиться впечатление, что в действиях основных игроков на Ближнем и Среднем Востоке прослеживается мало логики, и есть подозрения, что долгосрочная стратегия, а тем более сколько-нибудь ясная цель просто отсутствуют. Попытки выстроить закономерность динамики изменения стратегий нередко заводят в тупик или подталкивают к ошибочным обобщениям. В трактовке большинства аналитиков, поддерживающих

возможность силового вмешательства для блага самих же стран региона, эти попытки зачастую оказываются малообоснованными, неполными, а главное — указывают в качестве первопричин на явления-следствия. Ошибочные построения во многом обуславливают колебания курса проводимой в регионе политики и периодический возврат к, казалось бы, давно отработанным и ушедшим в прошлое геополитическим дискурсивным практикам.

Одна из таких ошибок — продолжение логики упрощения ситуации до бинарных оппозиций наподобие «шииты против суннитов», особенно когда первые подаются как консолидированная сила под руководством Ирана, а вторых представляют суннитские экстремисты-халифатисты. Так, встречаются мнения, что борьба с «ИГ»⁷ заключалась в «удушении» этой структуры силами «шиитского полумесяца» («альянс Ирана, Багдада, Асада и “Хизбаллы”»), который объявлялся «единственной силой, способной эффективно сдерживать и в конце концов уничтожить “ИГ”» [Stockman, 2016: 333, 335].

Иранские авторы при этом отвергают какие-либо обвинения в экспансионистском характере внешнеполитического курса своей страны, заявляя о необходимости диалога с арабскими государствами и взаимовыгодных совместных проектах. Эти заявления, впрочем, мало соотносятся с действительностью, особенно на фоне большого числа боевых организаций в арабских странах, союзных Ирану или действующих абсолютно согласованно с его руководством. Да и сами иранцы проговариваются, что избегание прямых столкновений с арабами в чем бы то ни было стало основной тактической линией иранской экспансии: «...любые споры Ирана с соседними странами окажутся серьезным препятствием на пути признания его превосходства в регионе» [Ва'ез, 2019].

Не отличаются тонкостью и мнения израильских аналитиков, которые явно пытаются поддерживать на экспертном уровне американскую политику на Ближнем и Среднем Востоке. Так, раздаются заявления, что в настоящее время Иран «возрождает “шиитский полумесяц”» под своим контролем, надеясь продолжить «сплачивать Тегеран, Багдад, Дамаск и Бейрут». Якобы Иран «воспользовался выходом США из Ирака в 2010 г. и началом

⁷ «Исламское государство» (до 29 июня 2014 г. — «Исламское государство Ирака и Леванта», «ИГИЛ») — террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации. — *Прим. ред.*

сирийской гражданской войны год спустя, чтобы установить этот «шиитский полумесяц» [Frisch, 2017: 1]. Неловкие обобщения такого рода вызывают вопросы. Разве идея «шиитской дуги» восходит к 2010 г.? Действительно ли в 2010 г. американцы ушли из Ирака? Неужели только присутствие в регионе американского контингента и стабильность в Сирии прежде сдерживали иранцев от идеологической, стратегической и военной «экспансии»?

Другие оценки предполагают в центре иранской внешнеполитической повестки борьбу с Израилем, для чего «шиитская дуга» якобы и создается: Иран желает «закрепиться в Сирии, прежде всего против Израиля; быть ближе к своему ливанскому союзнику, тем самым укрепляя “шиитский полумесяц” под своим руководством; и сохранить своего сторонника, Асада, у власти» [Yellinek, 2018: 2]. Но даже если допустить такой «израиленцентричный» подход к оценке ситуации, то как же в таком случае может вписаться в «полумесяц» Ирак, который по-прежнему очень далек от сближения с сирийским руководством? И как быть с нейтральной линией официального Бейрута, где влияние сторонников Ирана, очевидно, и дальше будет компенсироваться недружественными ему силами?

Еще один израильский эксперт (работающий, как и процитированный ранее автор, в Центре стратегических исследований Бегина—Садата) и вовсе добавлял к цепи стран «шиитского полумесяца» Йемен, не поясняя, каким образом эта южноаравийская страна, которую от Персидского залива отделяют тысячи километров, в том числе бесплодная пустыня Руб-эль-Хали, может быть частью «шиитской дуги» [Itzhakov, 2018: 3]. Даже территориальная непрерывность сухопутного коридора от Ирана до Средиземного моря, о котором рассуждает автор, явно нарушается районами, где жители едва ли в обозримом будущем станут лояльными к «теократическому режиму» Ирана. Что же касается Йемена, то в конфессиональном плане зейдитское население северной части этой страны слишком отличается от иснаашаритского толка иранских шиитов, чтобы говорить о религиозном единстве, тогда как на юге и вовсе живут сунниты-шафииты, тяготеющие к ОАЭ, а никак не к Ирану.

Примеры нелогичности аналитиков можно продолжать. Однако остается вопрос, что скрывается за спорными обобщениями и каковы последствия политики, построенной на таких шатких основаниях. Если оставить в стороне пропагандистские мотивы

«бинарного» политического дискурса, то в центре внимания оказывается проблема поиска логических ошибок, которые могут уводить исследователя в сторону.

Западная диалектика и восточная действительность (гипотеза)

Реалии традиционных восточных обществ предполагают множественность, причем не исключающую, т.е. даже если имеются противоречия, они, как правило, сосуществуют — по принципу антиномий (конъюнкции противоречивых черт), а в крайнем случае — нестрогой дизъюнкции (*или/или, но не либо только / либо только*). Условно говоря, западный подход носит более направленный характер: в идеализированном представлении он ориентирован на стимулирование динамического равновесия противоположностей к переходу на следующий уровень развития ситуации (модернизацию) — конечно, через конфликтную стадию (как писал К. Маркс: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» [Маркс, 1978: 695]). Тем самым искреннее стремление ускорить модернизацию «отсталых», архаичных обществ, по такой логике, ведет их к неизбежному конфликту, в своей теоретической части очень напоминающему диалектический.

Сложные ближневосточные общества — с их пестрым конфессиональным составом и множеством этносов — заключают внутри себя, безусловно, клубок противоречий. Тем не менее эта потенциальная конфликтогенность не достигает уровня перерастания собственно в конфликт под действием повода-триггера. Это подтверждают долгие периоды достаточно ровных социальных отношений и общественной безопасности, вполне сравнимые, например, с историческим развитием ряда европейских стран. Наблюдаемая ныне конфликтность ближневосточных социумов обусловлена в основе своей исключительно внешним воздействием, многократно выводившим систему из равновесного состояния.

В этом отношении можно выделить два аспекта конфликтогенности, и оба они связаны с наложением на процессы в регионе чуждой для его политической культуры и социальных отношений оценочной системы координат. Первый аспект заключается в упомянутом представлении о бинарных оппозициях, а второй — в неверном подходе к выделению частей целого.

В первом аспекте ошибка в теоретических оценках коренится в приписывании противоположным взглядам контрадикторного характера, тогда как им свойственна контрарность. Иными словами, суждения рассматриваются как исключительно противоположные: когда одно из них истинно, другое оказывается неизбежно ложным, и третьего быть не может. Вместе с тем в действительности не обязательно ложным является лишь одно из двух противоположных суждений: неверными могут быть оба (контрарные отношения). Сказанное касается внешних оценок, на которых и выстраиваются стратегии воздействия (например, санкции, прокси-действия или прямое военное вмешательство).

Ближневосточные цивилизационные антиномии вообще с трудом поддаются оценкам в категориях формальной логики и даже диалектики. Известные противоречия, изначально присущие сложным обществам Ближнего и Среднего Востока, подчиняются скорее законам, открытым в логике и естественных науках около столетия назад (как пример — принцип неопределенности В. Гейзенберга и логический анализ Б. Рассела). Тем самым архаика и необходимость обновления обнаруживаются не в объекте приложения усилий (ближневосточных обществах), а в инструментарии самих модернизаторов (концептуальном и информационном сопровождении военно-политических машин внешних сил).

Во втором аспекте выделяются «новые целые» (например, «шититская дуга» и «суннитский зонт»), частями которых объявляются элементы, составлявшие «прежние целые» («национальные государства»). На это указывали, в частности, авторы доклада по Ираку, в котором идентичность иракских шиитов, суннитов и отдельно курдов определялась далеко не по принципу гражданства⁸, а по религиозному и национальному соответственно [Kuoti, Wirya, 2018: 4].

Есть и масса других примеров, но особенно показательно другое: анализ сквозь призму неких трансграничных общностей подается как адекватное отражение новых реалий жизни региона. Девальвация идеи «нации-государства» давно запущена

⁸Тут очевидно проявление модного теперь теоретизирования в стиле деконструкции гражданственности восточных обществ в пользу перекрывающих границы идентичностей. Между тем всего лишь около десятилетия назад известный политолог Сергей Кортунов писал о критической необходимости построения гражданского общества и в этой связи утверждал, что «среди наиболее естественных типов гражданских общественных структур следует различать два — муниципальный тип и религиозное сообщество» [Кортунов, 2011: 433].

на, и политологи, в том числе отечественные, подхватили этот тренд. В частности, угрозами привычному типу государственно-общественного устройства объявлены наднациональные экстремистские структуры, а также фрагментация социумов по кланово-племенным и конфессиональным линиям⁹. Однако во всех перечисленных угрозах нет новизны.

Острые кланово-племенные противоречия, проявлявшиеся то тут, то там, были свойственны арабским обществам во все исторические периоды, а конфессиональный аспект как перво-степенный в социальных конфликтах вообще имеет давнюю историю (яркие примеры — маронитско-друзские столкновения в 40-х годах XIX в., «дамасская резня» христиан в 1860 г., обострение мусульманско-христианских отношений в сирийских районах после Младотурецкой революции (1908) и в период Итало-турецкой и Балканских войн; только в истории Ливана яркую конфессиональную окраску носили гражданские войны 1958 и 1975–1989 гг.). Что же касается наднациональных исламистских структур, то угрозу с их стороны с тревогой отмечали еще с первого десятилетия XX в., причем транснациональным характером обладали структуры далеко не только суннитские, но и шиитские [Беренкова, 2018].

Если с 1980-х годов под «воображаемыми общностями» понимали национальные единства [Андерсон, 2001: 29], то это укладывалось в канву начального этапа глобализационного проекта [Труевцев, 2010], когда считалось, что сплывающие нацию факторы (общность истории и языка, религиозная культура и традиции и т.д.) с неизбежностью будут размываться в ходе глобальной культурной и экономической унификации. Нынешнее инструментальное наложение на карту макрорегиона «новых целых» (религиозных, национальных общностей) поверх установившихся государственных границ можно расценить как очередную попытку концептуализировать логику развития ближневосточных обществ — и снова предполагающую далеко не бесконфликтную трансформацию.

⁹ Например, автор главы о нациях-государствах в монографии 2018 г. о ближневосточных трансформациях утверждает: «Фрагментация наций-государств носит многоуровневый характер и сопровождается глубокой эрозией всей региональной системы безопасности», тогда как борьба элит за доступ к ресурсам и вооруженные столкновения между племенами «вписались в процесс многоуровневой фрагментации <...>. Она дискредитирует и подрывает систему наций-государств в регионе в целом» [Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте, 2018: 98, 115].

Геополитические амбиции, региональные интересы и народ (аргументы)

Накал борьбы ведущих держав за глобальную гегемонию не понизился после объявленной «коллективным Западом» победы в «холодной войне». Ближний Восток так и не перестал быть ареной этой борьбы, и геополитические амбиции продолжают отражаться на нем самым трагическим образом. К этому добавляются жизненные интересы региональных игроков, которые отстаиваются с упорством и политической ловкостью и с активным привлечением тех или иных идеологических конструктов. В результате разыгрывающихся на ближневосточной доске партий — по причине резкой поляризации общественных отношений или даже вооруженных столкновений — целые общины остаются лишенными человеческих условий существования, на положении изгоев или как минимум ущемленными в правах политического участия.

Именно деструктивное внешнее воздействие, не учитывающее традиций сосуществования общин по принципу антиномий, провоцирует радикализацию групп населения, вынужденных искать способы защиты, в том числе примыкая к одному из сильных региональных игроков, претендующих на лидерство. Поиск защиты, вынужденный выбор стороны конфликта, самоидентификация в возникающей вдруг дилемме «мы/они» [Косач, 2010: 309, 311] становятся ключевыми в условиях постоянных действий извне: экономических санкций, блокад, карающих военных ударов, прямой оккупации (Ирак с 2003 г.), самовольных боевых действий на территориях государств региона (американские армейские подразделения и частные военные компании, борьба турецкой армии против курдов в Сирии). Запущенный извне процесс социальной поляризации неизбежно подогревает экстремистский настрой части населения, заставляя остальных делать тяжелый выбор.

Ярким примером может служить поведение различных политических акторов, относимых к «шиитской дуге», которые выбирают определенный региональный полюс, исходя из собственной повестки (отнюдь не иранской). Показательно, что даже израильский автор оценивал усиление «Хизбаллы» в 2000-е годы во многом как следствие оккупации Израилем Ливана в 1982 г. и сохранявшегося военного присутствия на юге страны вплоть до

конца столетия: это обстоятельство провоцировало легитимацию Соппротивления, которое в Ливане составили шииты, — легитимацию (включая автономный характер «Хизбаллы» и ее право на обладание оружием) в глазах не только ливанских властей, но и большинства конфессиональных общин. Фактическое признание государством этой структуры, по мысли автора, привело к тому, что с определенным влиянием Ирана на политический курс властей (через ливанских шиитов) смирились даже ярые противники Исламской Республики в Ливане [Miller, 2018: 2].

Внешнее вмешательство тем самым запустило развитие ситуации в регионе по траектории, заданной в соответствии с теоретическими и геополитическими концепциями внерегиональных акторов. Искусственное выделение полюсов силы, проведение разделительных линий по конфессиональным и национально-историческим признакам стали первыми следствиями опоры на ошибочные, априорные логические построения. Этим же объясняется популярность исламизма в разных его изводах. Российский историк Владимир Орлов прямо указывает, что «глобальный “исламский проект” и его социальные идеалы пришлось арабскому массовому сознанию впору в период, когда во многих странах обрушились другие (во многом Европой же порожденные) социальные идеалы» [Орлов, 2011: 414].

При этом местные игроки подхватывают навязываемые им линии разделения, используя их для удовлетворения амбиций своих правящих или продуцирующих идеологию кругов, в том числе религиозно или националистически ангажированных.

Большинство арабских правящих домов находят очень удобной схему жесткого регионального суннитско-шиитского деления, поскольку она позволяет скрыть, замаскировать истинные противоречия между странами Ближнего Востока. Религиозный призыв используется при этом всеми сторонами, в чем кроется немало парадоксов. В частности, лидером «суннитского зонта» региона чувствует себя Саудовская Аравия, где официальным учением признается ваххабизм, практически неприемлемый для остальных мусульманских стран.

Европейские исследователи приводят свидетельства, что концепция «шиитского полумесяца» использовалась в качестве довода в политическом торге курдов и саудовцев. Так, якобы Масуд Барзани связывался с наследным саудовским принцем Мухаммадом бин Салманом, чтобы напомнить тому о давних

взаимоотношениях их семей, о неких соглашениях и прямой заинтересованности Эр-Рияда в предотвращении «шиитской исторической мечты о полумесяце веры и мощи, простирающемся от Ливана до Бахрейна, через Киркук, Мосул и Дамаск» [Lévy, 2019: 84]. Иными словами, курдский лидер пытался привлекать ресурсы саудовцев для решения своих проблем на иракском политическом поле. При этом он использовал мотивы религиозного противостояния в регионе, играя на амбициях саудовского наследного принца [Косач, 2019: 61].

Словно стараясь не упустить свой исторический шанс, представленный им американской оккупацией, религиозное разделение провоцируют и шиитские богословы в Ираке, получившие религиозное образование в Иране и, вероятнее всего, опирающиеся на иранскую поддержку. Под предлогом неэффективности иракской армии и сил безопасности для отражения атак джихадистов-халифатистов высший шиитский авторитет в Ираке, аятолла Али аль-Систани, 12 июня 2014 г. объявил фетву с призывом ко всем шиитам и вообще иракцам объединиться в борьбе с «ИГИЛ». Было сформировано шиитское «Народное ополчение» («Аль-хашд аш-шааби»), куда выразили готовность включиться более 40 разных вооруженных формирований, действовавших уже на протяжении десятилетия (всего около 90 тыс. человек). В «Аль-хашд аш-шааби» вошли такие крупные группы, как «Муназзамат Бадр» («Организация Бадра») и «Катаиб Хизбалла» («Батальоны Хизбаллы»), а также другие сильные формирования: «Асаиб ахл аль-хакк» («Отряды праведников»), «Сарая ас-салам» («Бригады мира») и др. (общая численность оценивалась от 10 до 25 тыс. бойцов) [Duman, Sönmez, 2018: 174–175].

Что касается самого Ирана, то его амбиции простираются далеко за пределы шиизма. В пользу этого тезиса говорит то, что если бы главнейшей ценностью иранцев был именно шиизм, то следовало бы ожидать углубления изоляции страны в соответствии с психологией «осажденной крепости». Однако некоторые видные иранские аятоллы, напротив, призывают к широкому объединительному движению во главе с Ираном¹⁰. В качестве примера можно привести «Движение по сближению мазхабов» аятоллы Тасхири, которое ставит целью миротворческие усилия

¹⁰ Они действуют в том числе и в России, причем к сотрудничеству активно привлекают далеко не только наших суннитов-ханафитов и суфиев, но и Русскую православную церковь.

по устранению преград между приверженцами разных суннитских мазхабов под эгидой шиитского Ирана. Складывается впечатление, что иранцам дорого не столько торжество шиитского ислама, сколько возрождение и укрепление персидской мощи в регионе.

Эту мысль проводят и европейские исследователи. В частности, французский политолог Венсан Дуа убежден, что Иран создает альянсы не в пользу шиизма, а в первую очередь в соответствии со своими национальными интересами. Кроме того, ученый справедливо заключает, что по-настоящему ключевой стала опора на арабские шиитские общины в деле воплощения той доктрины экспансии, которая была сформирована идеологами Исламской революции¹¹. Во многом именно это и обусловило усиление конфессионального компонента внешней политики Ирана, что углубило суннито-шиитские противоречия в регионе в целом.

Как объясняют феномен «шиитского полумесяца» сами иранцы? Обратимся к идеям известного иранского политолога Кайхана Барзегара, бывшего участника многих международных форумов, в том числе в Москве. Еще десять лет назад он отрицал экспансионистский характер политики ИРИ, называя ее оборонительной в том смысле, что это ответ на американскую оккупацию соседней страны. В работе 2008 г., написанной еще до арабской «волны турбулентности», выведшей на первый план арабских исламистов суннитского толка, он заявлял, в частности, что «угрозы безопасности, возникшие после прибытия американских войск в регион», вынудили Иран «заключать союз с дружественными шиитскими правительствами» (арабскими) [Barzegar, 2008: 88].

К. Барзегар считает, что разговоры о возникающей угрозе региону со стороны «шиитского полумесяца» ведут заинтересованные в ограничении роли Ирана круги на Западе и среди арабских суннитских элит. Последние при этом на самом деле обеспокоены главным образом ослаблением авторитета их власти, растущими политическими требованиями шиитского населения их собственных стран, а также вообще укреплением позиций Ирана в арабском мире. Старые суннитские элиты будто бы

¹¹ Doix V. Le facteur chiite dans la politique étrangère de l'Iran // Diploweb (La revue géopolitique). 04.04.2017. Available at: <https://www.diploweb.com/Le-facteur-chiite-dans-la-politique-etrangere-de-l-Iran.html> (accessed: 15.06.2019).

опасаются, что в ходе дальнейших социально-политических сдвигов, начало которым положил приход к власти шиитов в арабском государстве, могут произойти аналогичные события в масштабах всего «шиитского полумесяца». К. Барзегар подчеркивает значение шиитских протестов в политической жизни Саудовской Аравии, Египта, Иордании, Кувейта, Бахрейна и Ливана [Barzegar, 2008: 88].

Иранский политолог, на наш взгляд, справедливо заключает, что сама «идея появления “шиитского полумесяца” на уровне народных масс может быть поставлена под сомнение», поскольку в странах Ближнего Востока именно фактор национальной идентичности, а не религии или идеологии, по-прежнему является главной солидаризирующей силой (иракские шииты, ливанцы и сирийцы — сначала арабы, а только потом шииты, тогда как иранские шииты — прежде всего персы). По мнению эксперта, «хотя идеология действительно составляет значительную часть мировоззрения Исламской Республики, существует ряд фактов, показывающих, что ее действия мотивированы прежде всего прагматическими соображениями» [Barzegar, 2008: 91]. Именно общий враг (К. Барзегар упоминает на тот момент только Соединенные Штаты и Израиль) стал объединяющим фактором для Ирана и Сирии, а не религиозно-культурная общность: «Шиитская культура не оказала существенного влияния на близость двух правительств, но общая враждебность якобы светского руководства суннитских арабских стран укрепила их религиозные связи. Фактически полагаться друг на друга в борьбе с угрозами в критические моменты было важно для обеих конфессий» [Barzegar, 2008: 93]. После разгула исламистского экстремизма и терроризма в Ираке и Леванте у Ирана стало во много раз больше оснований для выстраивания двусторонних альянсов с арабскими государствами. Но правомерно ли действительно объединять их в единую «дугу»?

В этом ключе обращает на себя внимание разность позиций Ирана, Ирака, Сирии и Ливана по сирийской проблематике, которая выражалась, в частности, при голосовании на сессиях Генассамблеи ООН. Иран, как правило, резко возражал против проектов резолюций, как и сирийские представители, а Ливан воздерживался, не желая становиться ни на одну сторону конфликта. Российская исследовательница Ольга Чикризова особенно подчеркивала тот факт, что вопреки логике якобы

выстраиваемого «шиитского полумесяца» Ирак, возглавляемый прошиитским руководством, в ГА ООН голосовал в пользу резолюций, осуждавших действия сирийского правительства [Чикризова, 2015: 80]¹². Этот факт дает еще одно основание сомневаться в стройности и последовательности приписываемой Ирану стратегии «шиитской дуги», ведь Ираку отводится в ней ключевая роль, но Багдад, тем не менее, защищает в первую очередь собственные интересы, хотя шииты сейчас сильны там как никогда. И наоборот, Сирия, где в силовом аппарате и руководстве страны ведущее положение занимают отнюдь не шииты-двунадесятники (как в Иране), а доля населения, исповедующего шиизм иснашаритского толка, крайне мала [Труевцев, 2018а: 228], солидаризируется с Тегераном по большинству вопросов.

Иными словами, мы не обнаруживаем неких «новых целых» — монолитных конфессиональных общностей или стратегических блоков, которые бы накладывались на прежнюю карту Ближнего и Среднего Востока поверх границ, меняя их очертания в ходе неумолимого наступления новой действительности. Никакой новой действительности не просматривается, а справедливо подмеченная фрагментация обществ является, похоже, трагическим обстоятельством и продуктом принудительной реализации различных чужеродных проектов модернизации региона.

Обновление, впрочем, могло наступить: народные протесты в ближневосточных странах против социальной несправедливости и перекосов социально-экономических курсов их правительств имели все шансы вызвать глубокие реформы в арабских государствах с республиканским правлением. Однако «оседлание» протестной волны силами, реализующими собственные интересы и амбиции (в том числе религиозными наднациональными структурами типа «Братьев-мусульман»), увели в сторону от начальной цели.

¹² В ее работе приводится интересная таблица голосований по резолюциям ГА ООН № 176, 253а, 253в, 183, 262, 182. Из таблицы видно, что эти резолюции поддерживали большинство североафриканских стран, все государства Залива, а также Турция и Афганистан. Любопытно, что во всех перечисленных странах очень сильны позиции ислама, а среди населения высока симпатия к радикальному исламизму. Что же касается Турции, то известный российский турколог Николай Киреев считает важнейшей проблемой страны (по состоянию на 2014 г.) то, что в ней «действует система “двоевластия”, представляющая собой противоречивый и взаимозависимый “альянс” двух конкурирующих между собою школ исламизма» [Киреев, 2014: 150].

Цена аналитической ошибки — война (выводы)

Предложенная гипотеза выглядит, быть может, излишне схоластически, но недостаток теоретизирования при анализе геополитики и ближневосточных реалий невозможно восполнить обилием рассмотренных фактов, поиском их причин и краткосрочным прогнозированием. Представляется, что необходимо восходить к более общим историческим и даже философским обобщениям. Сам феномен успеха исламизма нуждается в глубоком осмыслении, тем более что диалектическую основу представлений о нем усматривают многие внимательные ученые. «Успех в формулировании адекватного “ответа” исламоведения на интеллектуальный “вызов” исламизма зависит от точности восприятия самого этого явления. Ведь, по сути, при рассмотрении феномена политического ислама мы имеем дело с диалектикой истории» [Орлов, 2011: 414].

Попутно заметим: способ действия Соединенных Штатов на ближневосточной арене, заставляющий подозревать, что они руководствуются законами диалектики, может, конечно, быть связан с сохраняющейся популярностью там идей троцкизма и предшествовавших ему концепций. Однако далеко не это, на наш взгляд, служит основанием ошибочного приложения американцами диалектических методов к историческим и социальным процессам на Ближнем Востоке. Более вероятно, что стратегия Запада в регионе совершает откат, архаизируется — вместе со снижающимся качеством политики и дипломатии в целом. Этим обусловлен и наблюдаемый переход от тонкого некогда понимания Востока (особенно британцами и французами), помогавшего умело манипулировать процессами [Сарабьев, 2016a, 2016b], к суждениям в русле упрощенной диалектики и огрубленным схемам формальной логики.

Впрочем, упрощение стратегии воздействия не уменьшает внутренней конфликтогенности региона, а, напротив, повышая фрагментацию, усиливает хаос, подпитывая при этом иллюзию его управляемости.

На основании изложенного можно предложить следующие выводы относительно как методологии исследуемой проблематики, так и оценок некоторых конкретных политических феноменов в масштабе региона.

1. «Шиитская дуга», или «полумесяц», является идеологическим конструктом, подхваченным как в среде политических аналитиков, так и, увы, в некоторых политически активных

(или ангажированных?) кругах на местах. Угроза, исходящая от Ирана, очень ощутима для арабов-суннитов, и они наблюдают тревожные для себя процессы в Ираке, Сирии и Ливане. Однако объединять эти события в якобы единую стратегию ИРИ не представляется возможным ввиду непреодолимо противоречивых факторов, к ним приводящих. Настойчивое и искусственное их отождествление может означать только «оформление противника» накануне планируемой войны.

2. Западный подход к нынешним событиям на Ближнем Востоке характеризуется пренебрежением антиномичностью отношений, при которых, казалось бы, противоположные черты субъектов или их связей традиционно уживаются вместе. Внешние усилия по «упорядочиванию», имея своей целью, видимо, модернизацию местных обществ, вносят чуждый и разрушительный для них элемент бинарности. Результатом является углубление фрагментации обществ, части которых ищут (опять же традиционно для региона) сильных покровителей или партнеров для тактических союзов — региональных лидеров или их сателлитов. Это ведет к локальным конфликтам и даже к угрозе большой войны.

3. Возникает впечатление глубокого разделения всего региона поверх государственных границ — в соответствии с новыми альянсами и блоками. Конфессионально близкие группы предстают частями этих «новых целых», которые перекрывают территории «наций-государств» (в рамках «шиитской дуги» к ним относят ливанских шиитов, алавитов, иракских шиитов, персов шиитов-иснаашаритов и даже зейдитов). Умозрительный характер таких конструкций налицо: объединяемые в их рамках элементы различаются не только религиозными культурами, но и собственными, далекими друг от друга социально-политическими повестками. Более того, эти идеи подогревают социальное разделение, становясь опасно самосбывающимися прогнозами, и в конечном итоге ведут к локальным войнам.

4. Представления о предполагаемых макроальянсах типа «шиитской дуги» заключают в себе явную инструментальность: они бывают очень удобны в политических практиках и дискурсе местных амбициозных лидеров арабских суннитских, арабских шиитских, персидских шиитских, курдских, христианских и других общин. Внешние силы также с готовностью используют такого рода идеологические конструкции для обоснования силовых и политических действий в своих интересах. Как правило, практикуемые сейчас прокси-действия предполагают войну (например, в Йемене).

Существует ли однозначный ответ? (Послесловие)

Итак, с виду стройные геостратегические конструкции типа «шиитской дуги» («полумесяца») оказываются далеко не бесспорными: кажущаяся логичность наталкивается на многофакторность и сложность происходящих в регионе процессов, разрушающих наспех выстроенные причинно-следственные связи. Нельзя сомневаться в амбициях, политической искушенности и, наконец, чувстве самосохранения иранцев. Однако и упрощенные схемы, основанные на поверхностном взгляде на «религиозную географию»¹³ региона, не только не способствуют пониманию интересов и политических замыслов игроков, но и затемняют представление о реальной расстановке сил, не говоря уже о чаяниях собственно народов, живущих в странах «полумесяца». Транслируемая в СМИ и даже аналитических работах идея о «шиитской дуге» напоминает риторическое обобщение, мало что дающее исследователю и не выдерживающее анализа его как серьезной концепции.

Впрочем, вероятнее всего, в этом заложена не ошибка, а своего рода метод: подтягивание всех средств, в том числе и такого рода построений, к решению в конечном счете задач по обеспечению интересов в регионе одних кругов за счет других (как элемент пропаганды). Так, шаг за шагом предпринимаются попытки «коррекции» извне внешнеполитических ориентиров иранского режима (при сохранении его особой формы государственного устройства). Для этого наряду с ужесточением санкционной политики принимаются меры по доведению ситуации до «вынужденности войны». Например, следующим шагом американцев после выхода из Совместного всеобъемлющего плана действий по Ирану в 2018 г. стала идея «Стратегического альянса по Ближнему Востоку» (САБВ; англ. — MESA), куда должны были войти страны Залива, а также Египет и Иордания. Этот проект был провозглашен в конце 2018 г., а уже в январе эти государства посетил американский госсекретарь¹⁴. Страны арабского Машрика, а также неарабские соседи Ирана не увидели все же достаточных мотивов для объединения против шиитской угрозы. Тогда чере-

¹³ Такая дисциплина действительно активно разрабатывается, в том числе среди российских ученых. См., например: [Лобжанидзе и др., 2019].

¹⁴ Приймак А. Трамп отправил на Ближний Восток «апостола» из Госдепартамента // Независимая газета. 05.02.2019. Доступ: http://www.ng.ru/ng_religii/2019-02-05/12_458_gosdep.html (дата обращения: 21.06.2019).

да провокаций с танкерами в Персидском и Оманском заливах произвела должный эффект: были актуализированы опасения относительно агрессивной позиции Ирана и его сторонников в арабском мире. Замороженный было проект американо-арабского альянса был реанимирован. Уже в середине мая 2019 г. король Саудовской Аравии Салман призвал членов Лиги арабских государств, Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и даже Организации исламского сотрудничества принять участие в экстренных саммитах в Мекке по случаю эскалации иранской угрозы в регионе, что было задумано в целях еще большей изоляции Ирана и противопоставления ему приобретающего все более явные очертания военного блока MESA¹⁵.

На этом фоне едва ли возможно заставить Иран покинуть Сирию, и в этом трудно не согласиться с уважаемыми авторами аналитической записки Российского совета по международным делам, хотя и предлагаемые ими меры (добровольное ограничение иранцами своего присутствия, обязательство не использовать Сирию в качестве плацдарма для проведения операций против соседних стран или как учебного центра для подготовки радикальных военизированных формирований)¹⁶ тоже малоосуществимы.

Ответ на вопрос, вынесенный в заглавие, лежит, видимо, за пределами плоскости самой формулировки: «шиитская дуга» стала и фобией, и угрозой, однако и ни тем, ни другим одновременно. Этот заявленный феномен покоится на слишком неверных основаниях — как в плане посылок, так и самой логики, поэтому серьезного внимания как таковой не заслуживает. В том случае, когда это не описанная аналитическая ошибка, это одна из удачных пропагандистских схем, средство, парадоксальным образом удобное для обеих сторон. Для Ирана оно становится знаменем воплощения вековых персидских амбиций, а для его противников — главным аргументом их сдерживания. Пусть концепт и является виртуальным, но ведущиеся и готовящиеся

¹⁵ Американская удавка для шиитского полумесяца: политико-экономический фон // EADaily. 20.05.2019. Доступ: <https://eadaaily.com/ru/news/2019/05/20/amerikanskaya-udavka-dlya-shiitskogo-polumesyasa-politiko-ekonomicheskiy-fon> (дата обращения: 16.06.2019).

¹⁶ Кортуннов А.В., Дюкло М. Иран на Ближнем Востоке: часть проблемы или часть решения? // Российский совет по международным делам. 13.05.2019. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iran-na-blizhnem-vostoke-chast-problemy-ili-chast-resheniya> (дата обращения: 19.06.2019).

военные действия вполне реальны. Следствием столкновения противоположных векторов силы снова грозят стать хаос и война. Значит, снова народы Ближнего Востока ожидает страдание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Наука, 2001.
2. Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока // Религия и общество на Востоке. Вып. II. М., 2018. С. 113–135.
3. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2018.
4. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016.
5. Ва'эз Н. Влияние паломнических поездок на региональную политику Исламской Республики Иран и ее отношения с обновленным Ираком // Религия и общество на Востоке. Вып. IV. М., 2019 (в печати).
6. Киреев Н.Г. Политическая анатомия турецкой происламской Партии справедливости и развития // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014. С. 150–168.
7. Картунов С.В. Россия в мировой политике после кризиса. М.: Красная звезда, 2011.
8. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: внутренние истоки терроризма // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 639–654.
9. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: поле конфронтации с террором // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 16: Арабский мир в русле текущей политики. М.: ИВ РАН, 2018. С. 104–139.
10. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия» // Религия и общество на Востоке. Вып. I. М., 2017. С. 7–50.
11. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 4. С. 59–67.
12. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: Центр национального диалога в контексте «этапа реформ» // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. С. 303–324.
13. Лобжанидзе А.А., Горохов С.А., Заяц Д.В. Этногеография и география религий / 2-е изд. М.: Юрайт, 2019.
14. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1978.
15. Мелкумян Е.С. Власть и ислам в Кувейте: поле взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 2. С. 92–104.
16. Орлов В.В. Умеренные исламские партии на арабской политической сцене: пробы сил и оценки 2000-х годов // Исламский фактор в истории и современности. М.: Восточная литература, 2011. С. 409–421.

17. Сарабьев А.В. Игра на межконфессиональных противоречиях: «вольтова дуга» сквозь столетие. Ч. 1. Отзвуки «Сайкс–Пико» или наследие мандата? // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 3 (9). С. 208–218.
18. Сарабьев А.В. Игра на межконфессиональных противоречиях: «вольтова дуга» сквозь столетие. Ч. 2. Межконфессиональные отношения в свете возможных новых переустройств Ближнего Востока // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 4 (10). С. 189–200.
19. Труевцев К.М. Ближневосточный узел как эпицентр противостояния современного панисламистского проекта и национальных государств // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 2015. С. 93–115.
20. Труевцев К.М. Глобализация и исламский мир: проблемы адаптации // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. С. 244–266.
21. Труевцев К.М. Сирийский конфликт: конфессиональные лозунги и демографические последствия // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 16: Арабский мир в русле текущей политики. М.: ИВ РАН, 2018. С. 225–239.
22. Труевцев К.М. Этапы сирийского конфликта и перспективы исхода // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 16: Арабский мир в русле текущей политики. М.: ИВ РАН, 2018. С. 240–262.
23. Чикризова О.С. К вопросу о методологии изучения суннито-шиитских взаимоотношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 74–82.
24. Barzegar K. Iran and the Shiite Crescent: Myths and realities // *The Brown Journal of World Affairs*. 2008. Vol. 15. No. 1. P. 87–99.
25. Duman B., Sönmez G. An influential non-state armed actor in the Iraqi context: Al-Hashd Al-Shaabi and the implications of its rising influence // *Non-state armed actors in the Middle East: Geopolitics, ideology, and strategy* / Ed. by M. Yeşiltaş, T. Kardaş. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 169–187.
26. Frisch H. Trump's air strike on al-Tanf: No to the Shiite Crescent. BESA Center Perspectives Paper No. 483. June 1, 2017. Available at: <https://besacenter.org/perspectives-papers/syria-tanf-airstrike/> (accessed: 12.07.2019).
27. Itzhakov D. Iran's new anti-Israel resistance axis. BESA Center Perspectives Paper No. 747. 2018.
28. Kardaş Ş. The transformation of the regional order and non-state armed actors: Pathways to the empowerment // *Non-state armed actors in the Middle East: Geopolitics, ideology, and strategy* / Ed. by M. Yeşiltaş, T. Kardaş. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 21–42.
29. Kuoti Y., Wirya K. Post-crises prospects for reconciliation in Iraq: A Kurdish-Shi'ites debate in Najaf // *MERI (Middle East Research Institute) Policy Brief*. 2018. Vol. 4. No. 18.
30. Lévy B.-H. *The empire and the five kings: America's abdication and the fate of the world*. New York: Henry Holt and Company, 2019.
31. Miller B. How Iran became the dominant power in the Middle East. BESA Center Perspectives Paper. No. 706. 2018.
32. Ostovar A. Sectarian dilemmas in Iranian foreign policy: When strategy and identity politics collide. *Carnegie Endowment for International Peace*. 2016.
33. Pichon F. *Syrie, une guerre pour rien*. Paris: Les éditions du Cerf, 2017.

34. Stockman D.A. Trumped! A nation on the brink of ruin... And how to bring it back. Baltimore, MD: Laisser Faire Books, 2016.

35. Yellinek R. Who will reconstruct Syria? BESA Center Perspectives Paper No. 750. 2018.

A.V. Sarabiev

THE MIDDLE EAST SHIITE ARC: A REAL THREAT OR GEOPOLITICAL CHIMERA?

*Institute of Oriental Studies
12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031*

The term *Shiite Crescent*, or *Shiite Arc*, is becoming increasingly popular in political and academic discourse as well as in the media. It is used to indicate a threat allegedly posed by an alliance of states and forces dependent on Iran. However, there is no consensus on who the exact members of the alliance are. Since the basic criteria of membership in the alliance are the allegiance to Iran and the commitment to Shia Islam it can be expanded to include Iraq, Syria, Lebanese Hezbollah, and sometimes the Shiite forces of Bahrain and even Yemen. The relevance of this agenda peaks with the outbursts of anti-Iranian rhetoric as it was the case in the spring and early summer of 2019. Meanwhile, is the author emphasizes that the concept of the *Shiite Arc* contains a number of fundamental errors in terms of both methodological premises and the logic of reasoning. Particularly, the author argues that since this concept is based on a dialectic method it cannot be regarded as an appropriate tool for assessing or forecasting the development of the regional processes. On the one hand, the application of this method may entail artificial extrapolation of foreign political culture and assessment criteria in regional realities. For example, the author stresses that Middle Eastern civilizational antinomies can hardly be understood within the framework of the Western political thought as they represent contraries but not contradictions. Ignoring this fact leads to artificial fueling of regional conflicts and controversies. On the other hand, the dialectic method tends to create new, and speculative, fault lines in the region. The author concludes that from the outset the concept of *Shiite Arc* is founded on an erroneous theoretical ground and therefore is methodologically untenable. Meanwhile, the author stresses that in the current international conditions this concept turned out to be a popular propaganda construct paradoxically suitable to Iran, as well as to its opponents. The concept of the *Shiite Arc* appears to be an enabling ideology for a new stage of military and political confrontation which may cause more suffering to peoples of the Middle East.

Keywords: the Middle East, Shiite Crescent, Shiite Arc, Sunni-Shiite conflict, military regional conflicts, external intervention, propaganda, a dialectical method, Iran, Iraq, Syria, Lebanon, Hezbollah.

About the author: *Aleksei V. Sarabiev* — PhD (History), Leading Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, the Russian Academy of Sciences (e-mail: alsaraby@ivran.ru).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project № 17-18-01614.

REFERENCES

1. Anderson B. 1998. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London, Verso, 2001 [Russ. ed.: Anderson B. 2001. *Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Moscow, Nauka Publ.].
2. Berenkova N.A. 2018. Osobennosti shiitskikh transnatsional'nykh dvizhenii v arabskikh stranakh Blizhnego Vostoka [Features of Shiite transnational movements in the Arab countries of the Middle East]. In *Religiya i obshchestvo na Vostoke*, iss. II. Moscow, pp. 113–135. (In Russ.)
3. Baranovskii V.G., Naumkin V.V. (eds.). 2018. *Blizhnii Vostok v menyayushchemysya global'nom kontekste* [The Middle East in the changing global context]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
4. Baudrillard J. 2013. *The spirit of terrorism*. New York, Verso Books [Russ. ed.: Bodriyar Zh. 2016. *Dukh terrorizma*. Moscow, RIPOL klassik Publ.].
5. Va'ez N. 2019. Vliyanie palomnicheskikh poezdok na regional'nyu politiku Islamskoi Respubliki Iran i ee otnosheniya s obnovlennym Irakom [The impact of pilgrimages on the regional policy of the Islamic Republic of Iran and its relations with a renewed Iraq]. In *Religiya i obshchestvo na Vostoke*, iss. IV (in print). (In Russ.)
6. Kireev N.G. 2014. Politicheskaya anatomiya turetskoi proislamskoi Partii spravedlivosti i razvitiya [Political anatomy of the Turkish pro-Islamic Justice and Development Party]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, mezhdunarodnye otnosheniya na musul'manskom Vostoke (Afganistan, Iran, Pakistan, Turtsiya, etnicheskii Kurdistan, sosednie musul'manskii raiony)* [State, society, international relations in the Muslim East (Afghanistan, Iran, Pakistan, Turkey, ethnic Kurdistan, neighboring Muslim areas)]. Moscow, IV RAN Publ., Kraft+ Publ., pp. 150–168. (In Russ.)
7. Kortunov S.V. 2011. *Rossiya v mirovoi politike posle krizisa* [Russia in world politics after the crisis]. Moscow, Krasnaya zvezda Publ. (In Russ.)
8. Kosach G.G. 2017a. Saudovskaya Araviya: vnutrennie istoki terrorizma [Saudi Arabia: Interior origins of terrorism]. *Vestnik RUDN. International relations*, vol. 17, no. 4, pp. 639–654. (In Russ.)
9. Kosach G.G. 2018. Saudovskaya Araviya: pole konfrontatsii s terrorom [Saudi Arabia: A field of battle against terror]. In *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, iss. 16. Moscow, pp. 104–139. (In Russ.)
10. Kosach G.G. 2017b. Saudovskaya Araviya: 'religioznoe gosudarstvo' ili 'gosudarstvennaya religiya' [Saudi Arabia: 'Religious state' or 'religion of the state']. In *Religiya i obshchestvo na Vostoke*, iss. I. Moscow, pp. 7–50. (In Russ.)
11. Kosach G.G. 2019. Saudovskaya Araviya: transformatsiya vlasti i politiki [Saudi Arabia: Transformation of power and policy]. *World Economy and International Relations*, no. 4, pp. 59–67. (In Russ.)

12. Kosach G.G. 2010. Saudovskaya Araviya: Tsentr natsional'nogo dialoga v kontekste 'etapa reform' [Saudi Arabia: Centre for national dialogue in the context of the 'stage of reforms']. In *Rossiya i islamskii mir: istoricheskaya retrospektiva i sovremennye tendentsii* [Russia and the Islamic world: Historical retrospective and contemporary trends]. Moscow, IV RAN Publ., Kraft+ Publ., pp. 303–324. (In Russ.)

13. Lobzhanidze A.A., Gorokhov S.A., Zayats D.V. 2019. *Etnogeografiya i geografiya religii* [Ethnogeography and the geography of religions]. 2nd ed. Moscow, Yurait Publ. (In Russ.)

14. Marx K. 1978. *Kapital* [Capital]. Moscow, Politizdat Publ., vol. 1. (In Russ.)

15. Melkumyan E.S. 2018. Vlast' i islam v Kuveite: pole vzaimodeistviya [Power and Islam in Kuwait. The field of interaction]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, no. 2, pp. 92–104. (In Russ.)

16. Orlov V.V. 2011. Umerennye islamskie partii na arabskoi politicheskoi stsene: proby sil i otsenki 2000-kh godov [Moderate Islamic parties on the Arab political scene: Challenges and assessments of the 2000s]. In *Islamskii faktor v istorii i sovremennosti* [Islamic factor in past and present]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., pp. 409–421. (In Russ.)

17. Sarab'ev A.V. 2016a. Igra na mezkhkфессионаl'nykh protivorechiyakh: 'vol'tova duga' skvoz' stoletie. Chast' 1. Otvzuki 'Saiks–Piko' ili nasledie mandata? [Playing on inter-confessional contradictions: 'an electric arc' through a century. Part 1]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, no. 3 (9), pp. 208–218. (In Russ.)

18. Sarab'ev A.V. 2016b. Igra na mezkhkфессионаl'nykh protivorechiyakh: 'vol'tova duga' skvoz' stoletie. Chast' 2. Mezkhkфессионаl'nye otnosheniya v svete vozmozhnykh novykh pereustroystv Blizhnego Vostoka [Playing on inter-confessional contradictions: 'an electric arc' through a century. Part 2. Inter-religious relations in view of possible new re-settlements of the Middle East]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, no. 4 (10), pp. 189–200. (In Russ.)

19. Truevtsev K.M. 2015. Blizhnevostochnyi uzel kak epitsentr protivostoyaniya sovremennogo panislamistskogo proekta i natsional'nykh gosudarstv [Middle-East as the epicentre of conflict between the contemporary pan-Islamist project and national states]. In *Natsii i natsionalizm na musul'manskom Vostoke* [Nations and nationalism in the Muslim East]. Moscow, IV RAN Publ., pp. 93–115. (In Russ.)

20. Truevtsev K.M. 2010. Globalizatsiya i islamskii mir: problemy adaptatsii [Globalization and the Islamic world: Adaptation challenges]. In *Rossiya i islamskii mir: istoricheskaya retrospektiva i sovremennye tendentsii* [Russia and the Islamic world: Historical retrospective and contemporary trends]. Moscow, IV RAN Publ., Kraft+ Publ., pp. 244–266. (In Russ.)

21. Truevtsev K.M. 2018a. Siriiskii konflikt: konfessional'nye lozungi i demograficheskie posledstviya [The Syrian conflict: Religious slogans and demographic implications]. In *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, iss. 16. Moscow, IV RAN Publ., pp. 225–239. (In Russ.)

22. Truevtsev K.M. 2018b. Etapy siriiskogo konflikta i perspektivy iskhoda [Phases of the Syrian conflict and possible outcomes]. In *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, iss. 16. Moscow, IV RAN Publ., pp. 240–262. (In Russ.)

23. Chikrizova O.S. 2015. K voprosu o metodologii izucheniya sunnito-shiitskikh vzaimootnosheniy [On the methodology of research of Sunni-Shiite relations]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 15, no. 3, pp. 74–82. (In Russ.)
24. Barzegar K. 2008. Iran and the Shiite Crescent: Myths and realities. *The Brown Journal of World Affairs*, vol. 15, no. 1, pp. 87–99.
25. Duman B., Sönmez G. 2018. An influential non-state armed actor in the Iraqi context: Al-Hashd Al-Shaabi and the implications of its rising influence. In Yeşiltaş M., Kardaş T. (eds.). *Non-state armed actors in the Middle East: Geopolitics, ideology, and strategy*. London, Palgrave Macmillan, pp. 169–187.
26. Frisch H. 2017. *Trump's air strike on al-Tanf: No to the Shiite Crescent*. BESA Center Perspectives Paper No. 483. Available at: <https://besacenter.org/perspectives-papers/syria-tanf-airstrike/> (accessed: 12.07.2019).
27. Itzhakov D. 2018. *Iran's new anti-Israel resistance axis*. BESA Center Perspectives Paper No. 747.
28. Kardaş Ş. 2018. The transformation of the regional order and non-state armed actors: Pathways to the empowerment In Yeşiltaş M., Kardaş T. (eds.). *Non-state armed actors in the Middle East: Geopolitics, ideology, and strategy*. London, Palgrave Macmillan, pp. 21–42.
29. Kuoti Y., Wirya K. 2018. *Post-crisis prospects for reconciliation in Iraq: A Kurdish-Shi'ites debate in Najaf*. MERI Policy Brief, vol. 4, no. 18.
30. Lévy B.-H. 2019. *The empire and the five kings: America's abdication and the fate of the world*. New York, Henry Holt and Company.
31. Miller B. 2018. *How Iran became the dominant power in the Middle East*. BESA Center Perspectives Paper. No. 706.
32. Ostovar A. 2016. *Sectarian dilemmas in Iranian foreign policy: When strategy and identity politics collide*. Carnegie Endowment for International Peace.
33. Pichon F. 2017. *Syrie, une guerre pour rien*. Paris: Les éditions du Cerf.
34. Stockman D.A. 2016. *Trumped! A nation on the brink of ruin... And how to bring it back*. Baltimore, MD, Laisser Faire Books.
35. Yellinek R. 2018. *Who will reconstruct Syria?* BESA Center Perspectives Paper No. 750.